

**ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО ЗАПАДНОГО КРАЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ
НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В 60-Е ГГ. XIX В.**

Западный край Российской империи представлял собой этнически и конфессионально неоднородную территорию из девяти губерний, в разное время входивших в состав Речи Посполитой. Правительственная политика здесь, особенно после польского восстания 1830–1831 гг., была направлена на укрепление влияния православной церкви и великорусской народности и тем самым – на установление более тесной связи с Империей. В высочайшем повелении от 2 февраля 1855 г. говорилось: «Правительство решило предать забвению все прошлое (т. е. восстание – Авт.), но не отказывалось от усиления русского начала в крае...» [2, с. 165]. С началом осуществления реформ Александра II стала еще более настоятельной необходимость унификации различных частей империи для более успешного осуществления государственной политики.

События на западе Империи в начале царствования Александра II, когда в связи с либерализацией внутренней политики оживилось национальное движение в Царстве Польском, придали особую остроту вопросу о роли православного духовенства в народном образовании. В высочайшем повелении от 18 января 1862 года, появившемся в связи с обострением обстановки в Царстве Польском и Западном крае, предлагалось безотлагательно приступить к устройству народных училищ в западных губерниях, не дожидаясь принятия общего положения об этих училищах для всей империи. В связи с этим на Министерство народного просвещения возлагалась обязанность «учреждать во всей Империи, по сношению с подлежащими ведомствами, народные училища, которые и должны

оставаться в ведении сего министерства, причем министерству следует пользоваться содействием духовенства во всех случаях, когда министерство народного просвещения признает сие нужным и когда духовенство найдет возможность оказать ему содействие». [9, с. 704]. Таким образом, ни одному из упомянутых ведомств не вменялось в обязанность сотрудничество друг с другом, а в отношении духовного ведомства и вовсе высказывалось лишь пожелание его участия в предстоящем процессе.

В Западном крае, традиционно испытывавшем сильное польское влияние, к этому времени существовало определённое количество церковно-приходских школ, преподаванием в которых занимались священники или члены причта, делая упор даже не на обучение грамоте, а на заучивание молитв, священного писания и на церковное пение. На неудовлетворительное состояние этих школ указывали как духовные, так и светские лица. Для Западного края была характерна такая же бедность приходского духовенства, как и в других местностях империи, тем более, что местные землевладельцы, являлись в основном католиками и поддерживали своё духовенство. Способность же православных духовных лиц полностью взять на себя функции наставничества в начальных училищах Западного края была сомнительна, хотя многие высокопоставленные чиновники отмечали его более высокий образовательный и культурный уровень по сравнению со священниками великорусских губерний.

Тем не менее, роль православного духовенства нелицеприятно характеризовал при своём вступлении в должность попечителя Киевского учебного округа в конце 1862 года Ф.Ф. Витте: «Православное духовенство находит, что при существовании церковно-приходских училищ народные школы министерства в селениях излишни. Церковно-приходских школ же полякам нечего бояться, потому что, за исключением весьма немногих селений, в которых приходские священники действительно проникнуты важностью своего призвания как наставников и руководителей своей паствы в интересе православия и русской национальности, все прочие

церковно-приходские училища в совершенном упадке, и потому естественно, что народ не имеет к ним никакого доверия... Народные школы министерства, отвечая существенной потребности здешнего населения, легко привились бы в народе и принесли бы вожделенные плоды просвещения, поддержки православия и сознания русской национальности в здешних крестьянах, если бы не было затруднения со стороны православных священников, поддерживаемого распространением тревожных слухов с целью колебать доверие невежественного народа к нашим народным училищам» [4, с. 32].

Открытие школ министерством просвещения ставило вопрос о приглашении в них преподавателей Закона Божьего, поскольку у приходских священников было достаточно хлопот, касавшихся их прямых обязанностей. Достаточно полный свод этих обязанностей сделал на страницах журнала «Странник» протоиерей Орловской епархии Е. Остромысленский. В его статье упоминались следующие требы: совершение крещений, миропомазаний, покаяний, причащений, елеосвящений; благословения на постройку и ремонт домов, сеяние и жатву, отъезды и начало обучения детей; пение молебнов просительных и благодарственных, канонов и акафистов; совершение крестных ходов и литий в случае эпидемий и эпизоотий, непогоды и стихийных бедствий, войны и голода; служба в церкви в отведённые часы; чтение молитв новорожденным и родильницам, сороковых и отходных; погребение и поминание умерших в третины, девятины, сорокоусты и годовщины, в родительские субботы и дни кончины; проповедь слова Божьего в церквах и домах; посещение больных, утешение печальных, призвание сирот и вдовиц, защита невинных и вразумление заблудших. В то же время нельзя было забыть и о своём доме и семье: держать домочадцев в послушании, заниматься полеводством, огородничеством и садоводством. Лишь в последнюю очередь Остромысленский упоминал в качестве обязанности священника преподавание Закона Божьего в школе, если она есть, и наблюдение за религиозно-нравственным воспитанием детей. Обилие обязанностей для сельских приходских священников

усугублялось плохими дорогами (в приход обычно входили несколько деревень) и необходимостью идти по первому зову прихожан даже в самые неурочные часы.

Неудивительно, что ссылкой на свою занятость священники часто объясняли уклонение от исполнения функций законоучителей в школах, и это обстоятельство было хорошо известно руководству и Министерства просвещения, и Синода. По этому поводу неоднократно предпринималась переписка между двумя ведомствами, в которой обычно министр просвещения выражал надежду на принятие мер в отношении таких нерадивых священников.

При проведении предполагаемой школьной реформы появление в приходе ещё одного лица духовного звания делало вероятным их соперничество в таком меркантильном вопросе как разделение доходов, получаемых от прихожан. Ф.Ф. Витте самостоятельно изучил ситуацию на местах и выявил ещё ряд проблем, связанных с позицией местного православного духовенства по отношению к школам, открываемым Министерством просвещения. Речь шла, например, о том, что местное духовенство заботится не об открытии новых, а о закрытии уже действующих народных школ, ссылаясь при общении с крестьянами на то, что именно им придётся содержать эти школы. Опасения, возбуждаемые в крестьянах священниками, не были безосновательны, но это не делало их позицию по отношению к народным школам достойной оправдания. Упомянул Витте и о применении местными священниками средств, не согласных «с высокими нравственными началами учения Христова». В письме попечителя подчёркивалась также мысль о том, что подобная позиция духовенства может способствовать возникновению конфликтов внутри волостных обществ, что особенно опасно в период становления новых крестьянских учреждений и общественных отношений.

Так, в начале 1863 года в особенной канцелярии министра просвещения рассматривалось дело по жалобе Саливанского общества временнообязанных крестьян Киевской губернии на

присланного министерством в открытую у них народную школу учителя Крымского. Из канцелярии обер-прокурора Синода в феврале 1863 года поступило сообщение о представленных киевскому митрополиту отношении Гребенского волостного правления и приговор Саливанского общества, в которых крестьяне жаловались на учителя Крымского и просили освободить их от него, присланного без их согласия. Жалоба была передана одним из наблюдателей церковно-приходских школ Васильковского уезда Киевской епархии священником Правиковым. В приговоре сельского схода сообщалось, что в конце октября 1862 г. «прибыл в нашу волость неизвестно кто по фамилии Крымский, и получено нами 72 рубля 50 копеек серебром на его содержание с тем, что он будет обучать наших детей... Учитель этот постоянно делает претензии к обществу, требует сторожа, которого содержание нам обходится почти столько же, сколько и вся церковная школа, требует топлива, когда мы едва имеем отапливать чем управу, перестройка-переноска гнилого дома, когда у нас не сделан магазин, постоянно ссорит нас с господином мировым посредником, жалуясь ему на нас, что мы ему не даём мальчиков, отопление и проч. Этим самым так вооружил против себя, что никто не хочет иметь с ним дела, и староста сельский отказывается иметь какие-либо пособия учителю...» [7, с. 3]. Далее шла речь о том, что в волости уже существуют 3 церковных школы, поэтому казённые деньги для Крымского тратятся совершенно напрасно, да и поведение его нельзя назвать благочестивым. Под приговором стояли подписи старосты Саливанок Григория Пурика и сорока двух неграмотных крестьян, за которых расписался Фёдор Плоденко.

Разбирательство по жалобе крестьян было поручено попечителю Киевского учебного округа Ф.Ф. Витте, который для выяснения всех обстоятельств дела командировал инспектора М.Н. Тулова. Киевский генерал-губернатор Н.Н. Анненков назначил в комиссию по рассмотрению инцидента и Васильковского уездного начальника. Чиновники при непосредственном общении с

крестьянами выяснили, что последние ничего против учителя не имеют; со стороны Крымского, в свою очередь, поступила жалоба на священника Правикова, который запрещал жителям посылать детей в народное училище, открытое для деревень Саливанки и Гребёнки. После уведомления об этом волостного общества со стороны мирового посредника крестьяне стали отдавать своих детей на обучение. Но священник Правиков стал вызывать крестьян к себе и предлагал им составить приговор об удалении народного учителя, на что крестьяне не соглашались.

Тогда Правиков, отыскав в журналах проект Положения о народных училищах, в котором речь шла о сборе с каждой ревизской души 27,5 копеек, показал его крестьянам. Крестьяне, имевшие доверие к любому печатному слову, не зная, что священник ссылался лишь на проект, забеспокоились. Те, которые не имели детей школьного возраста, стали требовать, чтобы детей не отдавали в новую школу, а пославшие в неё своих детей стали забирать их. При этом нашёлся крестьянин Лукиан Литвиненко, который предложил собственные 100 рублей серебром для содержания училища. Инспектор Тулов выяснил, что в конечном итоге священник сам написал приговор и предложил некоторым крестьянам его подписать, что они и сделали. Но волостные писарь и старшина отказались заверить документ, тогда крестьяне возвратили приговор священнику, который отправил его руководству митрополии.

Крестьяне тем временем обратились за разъяснением проекта к мировому посреднику, который пояснил, что этот документ не имеет отношения к их народному училищу. Это саливанских жителей не убедило, и они по-прежнему не пускали детей в народную школу. Узнав же, что священник Правиков действовал в своих интересах, забрали детей и из его школы.

По распоряжению инспектора крестьяне были собраны в волостном правлении для разъяснения ситуации. Крестьяне Кирилл Рябчук и Яков Головатый сознались, что священник посылал их сказать крестьянам, чтобы они не соглашались на открытие народного

училища, за которое будут платить 500 рублей в год. Жителям обеих деревень было разъяснено, что от них ожидают не платы, а только добровольной помощи. Крымского крестьяне характеризовали при этом с самой лучшей стороны и отметили, что не знают за ним поступков, нарушающих благочестие. По словам крестьян и управляющего саливанским имением, ни здесь, ни в Гребёнках других школ нет, только 3 мальчика учатся у дьячка. Народное училище посещали 17 учеников, и обучение шло достаточно успешно. При этом закон Божий в школе не преподавался, потому что священник Правиков не получал от своего начальства официального назначения в народную школу.

Приведенный пример не был единичным, что вызывало опасение у правительства относительно реальной роли православного духовенства в Западном крае. Так в период подготовки Временных правил для народных школ северо-западных губерний министр внутренних дел П.А. Валуев выражал сомнение в целесообразности функционирования школ, учреждённых православным духовенством, без надлежащего контроля со стороны гражданских властей. Он считал, что неудобно оставлять за духовным ведомством право открывать новые школы без их содействия, поскольку нельзя будет отказать в этом и католическому духовенству. Такая дипломатичная формулировка, видимо, имела под собой не только политические основания.

В 1862 году было создано Особое присутствие при Синоде, которое должно было подготовить реформу, призванную изменить положение приходского духовенства. Присутствие сделало запрос причтам о наличии в приходах школ, их подчинённости и степени участия духовенства в их деятельности. Необходимость церковной реформы диктовалась, в частности, неспособностью его представителей вести нужную правительству идеологическую работу в силу особенностей положения всего духовного сословия, его материального обеспечения, а также часто из-за низкого образовательного уровня и невысоких моральных качеств.

Об образовательном уровне православного духовенства можно сделать вывод, исходя из следующих данных: в 1860 году в состав духовного сословия входило 114,5 тыс. человек, из них 33% священники, 11% дьяконы и 56% причетники. [3, с. 108] Последние две категории именовались церковнослужителями. При этом священниками могли стать только окончившие семинарии или академии и получившие приход, а эта категория в составе духовного сословия составляла, как видим, только одну треть. Основная же масса представителей сословия довольствовалась образованием, полученным в духовных училищах.

Во второй половине 1864 года в письме к П.А. Валуеву неустановленный корреспондент описал положение, в котором пребывало духовенство в Западном крае. Он подчёркивал, что многолетняя неспособность православного духовенства в силу его качеств и положения противостоять католическому влиянию повергла его в состояние полного равнодушия к своим нравственным обязанностям. Работа крестьян в пользу священников и необходимость постоянно платить своему батюшке за совершение всевозможных треб не способствовали установлению доверительных отношений между духовенством и крестьянами. О приходских школах в письме сказано следующее: «Осмотр многих из них на месте удостоверяет, что за исключением нескольких из них большинство школ существует в силу принудительного требования местного управления... Самое же обучение в руках наёмных учителей из уволенных духовного звания или приходских пономарей, от которых ещё менее, чем от священников можно ожидать полезного и нравственного влияния.» [8, с. 34] Далее речь шла о стремлении к образованию крестьян, которые по своей инициативе обучали детей ремёслам, необходимым жителям края. Но за этим следует парадоксальный вывод о том, что открытием народных школ правительство обрекает на гибель школы церковные и наносит последний удар по духовенству Юго-Западного края.

В свете высочайшего повеления от 18 января 1862 года процесс открытия народных училищ в Западном крае должен был идти ускоренными темпами, и необходим был компромисс между Министерством просвещения и духовным ведомством. Ставший в 1862 г. министром просвещения А.В. Головнин неоднократно подчёркивал, что министерство должно заботиться об открытии небольшого числа образцовых школ и о подготовке для них профессиональных педагогов. Что касается приходского духовенства, то его необходимо привлечь к делу преподавания, установив в народных училищах жалованье, которое не давало бы возможности противодействовать устройству народных школ.

В Синоде на протяжении первой половины 1862 года неоднократно поднимался вопрос об участии духовенства в народном образовании и о том, кому же должно принадлежать заведование народными училищами, причем учрежденными не только духовенством. По докладам обер-прокурора А.П. Толстого и сменившего его А.П. Ахматова, касающимся этих вопросов, были вынесены определения 9 февраля, 27 марта, 18 и 31 июля 1862 года. Основной мыслью этих документов была необходимость поощрения со стороны епархиального начальства приходских священников, открывающих школы на свои собственные средства. Речь в данном случае могла идти о моральном поощрении. От Министерства просвещения духовное ведомство ожидало, видимо, более осязаемого содействия, делая упор на то, что влияние духовенства приведет к благим для государства последствиям в деле народного образования. Синод выражал надежду, что министерство не откажет в своей помощи школам, открываемым духовенством, наравне со светскими. А.В. Головнин отвечал на письмо с такого рода пожеланием, что министерство готово содействовать преуспеянию школ, открываемых духовенством, всеми зависящими от него способами, но просил указать конкретно, в чем такое содействие должно состоять.

Для того, чтобы доказать эффективность деятельности приходского духовенства в деле открытия начальных школ, в

соответствии с заключением Синода от 10 ноября 1861 года, духовное ведомство стало направлять императору и в Министерство просвещения ежемесячные ведомости о количестве училищ, находящихся в его управлении, и учеников в них. Первая из таких поступивших в департамент народного просвещения ведомостей содержит соответствующие данные за октябрь 1861 года, последняя – за май 1862 года. В июне 1862 года последовало высочайшее распоряжение в адрес Синода о прекращении подачи ежемесячных сведений о церковных школах, что было совершенно естественно, так как занятия прекращались на летнее время. Но с октября предполагалось эту практику возобновить. Тем не менее, следующая подобная ведомость в деле департамента народного просвещения содержит сведения уже за май 1863 года.

Какие же данные можно извлечь из упомянутых статистических сводок о количестве сельских школ, открываемых при приходских церквях? Материальное положение как уже существовавших, так и вновь открываемых при церквях школ оставалось крайне тяжелым: помещались они в домах священников, которые занимались обучением бесплатно. Каждый месяц в ведомостях были представлены сведения по разному количеству епархий (от 42 до 48); но даже если количество епархий было указано одинаковое, речь не обязательно шла об одних и тех же. В связи с этим постоянный рост общего количества училищ по ведомости не означал действительного их увеличения в той или иной епархии. Если сравнивать цифровые данные, содержащиеся в этих ежемесячных ведомостях, то можно выявить некоторые закономерности.

Обращают на себя внимание две группы епархий: те, в которых количество школ, открываемых и содержимых православным духовенством, является стабильным и те, в которых это количество изменяется от месяца к месяцу резкими скачками (не всегда в сторону увеличения). К епархиям первой группы можно отнести Донскую и Оренбургскую, в которых значительную часть населения составляло казачество, имевшее особую систему начального образования. Кроме

того, к этой же категории относятся и такие епархии как Варшавская, Минская, Литовская, Рижская, Таврическая, Кавказская и Грузинский экзархат, то есть местности, населенные в основном инородцами и имевшие устоявшиеся специфические системы национального образования. Но, как ни странно, в числе епархий с практически неизменным количеством церковных школ оказались Пермская и Олонецкая, то есть те, которые внушали особые опасения правительству в связи с распространением в них раскола. Здесь трудно сказать о резком увеличении православных школ, об открытии которых должно было заботиться духовенство в соответствии с правительственными распоряжениями. Так, в Олонецкой епархии в начале февраля 1862 года, по ведомости Синода, числилось 207 школ, в начале марта того же года – 208, в апреле и мае – 211, в марте 1863 года таких школ было 218. [5, с. 321–345]. Вторая группа епархий включала в себя в основном великороссийские местности (Владимирская, Костромская, Тульская, Ярославская, Новгородская, Псковская и др.).

Весной 1863 года А.В. Головнин получил отзыв на проект Положения о народных школах от архиепископа Подольского Иринарха, который настаивал на необходимости подчинения всех сельских школ, подобно другим светским училищам, Министерству просвещения. Участие в их деятельности священнослужителей, по его мнению, допускалось лишь в силу необходимости. «Если думать, что допущение духовной власти в управление сельскими школами может сделать их более рассадниками христианской нравственности, то это – несбыточная мечта. ...В здешней епархии, которая, конечно, не есть одна из последних по образованию, имеется от 400 до 500 священников, которые не получили полного семинарского воспитания, или вовсе не были в семинарии; столько же может быть найдётся ещё таких, которые, хотя кончили курс семинарских наук, но которые едва ли имеют преимущество перед оными по познанию и поведению. Вероятно, таково же духовенство и в других епархиях, за небольшим исключением» [6, с. 32]. Письмо Иринарха легло в основу

подготовленного Головинным выступления в Государственном Совете.

При этом «Журнал Министерства народного просвещения» регулярно публиковал сведения с мест о том, как явочным порядком вводилось заведение начальными школами со стороны духовенства, в том числе и в Западном крае. Так, в начале 1863 года попечителем Виленского учебного округа А.П. Ширинским-Шихматовым после осмотра им училищ Гродненской губернии был выпущен циркуляр о преподавании Закона Божьего. Наряду с тем, что в этом документе предлагалось преподавать предмет в форме беседы, приглашать на такие беседы других прихожан, особенно женщин; в процессе обучения отучать детей от суеверий, употребления бранных слов, не допускать обиды слабых и оскорблений евреев (что противно человеколюбию и христианскому учению); в циркуляре содержалось также правило, в соответствии с которым светские наставники должны были подчиняться надзору духовных. Это правило распространялось даже на отъезды светских учителей, которые могли происходить только с согласия законоучителей.

Иногда дело доходило до конфликтов между представителями духовенства и сельскими учреждениями и завершалось взаимными жалобами в адрес губернских гражданских властей. Такой конфликт, в частности, разбирался киевским губернским присутствием, вынесшим следующее определение: «Предложить мировым посредникам, чтобы они, за исключением тех местностей, где заведены школы от Министерства народного просвещения, располагали сельские общества к пособию духовенству в поддержании и устройстве заведенных им школ и открытию их в тех селениях и деревнях, где окажется в них потребность; а в духовную консисторию отнестись о внушении духовенству, чтобы оно в действиях своих по предмету устройства школ руководствовалось лишь пользою народа, не употребляло средств, имеющих вид принуждения, и не нарушало правил, установленных законоположением для создания сельских сходов, а вместе с тем располагало прихожан к своим школам столько

же лучшими способами обучения, сколько и кротким обращением с детьми» [1, с. 125]. Таким образом, православное духовенство боролось за место под солнцем не только со светскими учителями, присылаемыми Министерством просвещения, но и с обществом, которое не всегда было согласно с навязываемой ему моделью школы.

Суммируя сведения о деятельности православного духовенства, содержащиеся в официальных документах Министерства народного просвещения, личной переписке должностных лиц местной и центральной администрации, в материалах периодической печати, можно сделать следующие выводы.

Борьба за влияние духовного ведомства православного исповедания на организацию народных школ и процесс обучения в них велась в масштабах всей империи, но в Западном крае этот процесс зачастую приобретал особую остроту в силу политических обстоятельств. Уровень образования православного духовенства в этом регионе оценивается вышеуказанными источниками как более высокий, чем в целом по империи. Но при этом имели место случаи, когда это образование использовалось для манипуляций крестьянскими обществами при принятии ими решений об открытии у себя школ. Именно это обстоятельство, как представляется, оказало влияние на мнение П.А. Валуева о необходимости светского контроля над деятельностью духовенства на уровне народного образования. В связи с этим обстоятельством, с одной стороны, и, учитывая более стабильную статистику начальных школ, в том числе открываемых православным духовенством, в Западном крае, с другой стороны, роль православного духовенства в соответствии с правительственной установкой в укреплении великорусского начала в крае можно оценить как неоднозначную.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП) – 1863. – Ч.117 – Отд. III.

2. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т.2, ч.2. – СПб., 1902.
3. **Миронов Б.Н.** Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Т.1. – СПб., 1999.
4. О народных школах в юго-западных губерниях. – СПб., 1864.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), фонд 733 (Департамент народного просвещения), оп.170, д.19
6. РГИА, фонд 733 (Департамент народного просвещения), оп.170, д.21
7. РГИА, фонд 733 (Департамент народного просвещения), оп.170, д.42
8. РГИА, ф.908 (П.А. Валуева), оп.1, д.214.
9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения за 1802-1888 гг. Т.3. – СПб, 1865.